

Глава 1

Если хотите отомстить мужчине, наведите идеальный порядок в его гараже.

— Ну почему папа разозлился? — ныла Вера Филиппова, устремив на меня взгляд своих странных разноцветных глаз. — Что плохого я сделала? Зашла в бокс, хотя раньше никогда туда не заглядывала, и ахнула — там просто бардак бардакович! На полках полно пустых банок из-под растворимого кофе, в которые прямо-таки inferнальная дрянь насыпана: ржавые гвозди, запутанные бечевки, винтики, гайки. Коробок гора громоздится, а внутри детские колготки рваные, тряпки замасленные, гора полотенец, которые давно выбросить пора. По углам валяются пустые пластиковые бутылки, кипы газет-журналов. Короче — мрак! У одной стены засаленная софа, она раньше у бабушки на даче в сарае стояла. Я когда дом Ангелины Федоровны после ее смерти переделывать начала, папу попросила тахту на помойку оттащить. Думала, эта ровесница египетских пирамид давно сгнила. Ан нет, мой родитель ее в гараж приволок. Настоящий Плюшкин! Но самое великолепное — телевизор. Представляешь, черно-белый, еще советского производства, похожий на гроб. В качестве антенны из него торчали длинные вязальные спицы, а к ним крепилась крышка от бака для кипячения белья... Вилка, очнись, ты меня слушаешь?

— Очень даже внимательно, — ответила я. — И как ты поступила, увидев живописную инсталляцию, созданную Георгием Петровичем?

— Воспользовалась тем, что отец уехал на две недели в санаторий, засучила рукава и разгребла все, привела гараж в идеальное состояние, — пояснила Вера. — Выкинула всю хрень-дребедень, отмыла полки, застелила их красивыми скатерками. Чуть не умерла, пока софу вытаскивала! Не поленилась съездить в магазин, приобрела раскладное кресло. Новое! Идеальный вариант — если хочешь прилечь, оно кровать, а в собранном виде лишнего места не занимает. Накрыла его прелестным голубеньким флисовым пледиком.

— И от телика избавилась? — еле сдерживая смех, поинтересовалась я.

— Конечно, — подтвердила Филиппова. — Оцени мои старания: установила современный, с плоским экраном и прекрасной антенной, который кучу каналов ловит. В качестве завершающей точки принесла оригинальную круглую вазу с букетом роз.

— Ну ты даешь! — хихикнула я. — Небось, допотопные «Жигули» Георгия Петровича пришли в восторг при виде цветов? Ты была первая, кто им букет подарил. Автомобиль не зарыдал от умиления?

— Человек должен жить красиво! — взвилась Вера. — Вот почему все пожилые люди такие? Как на дачу выедут — бомжами вырядятся, в гаражах помойку устраивают, склад ненужных вещей. Да и дома у них прямо лавка старьевщика. Между прочим, бокс я украсила не живыми цветами, а композицией из искусственных, они смотрятся даже лучше настоящих и пахнут волшебно. Это новая фишка — лепестки тряпичные, но с ароматом, их стойкими духами опры-

скивают. А папа... Ты даже не представляешь, что он сказал!

— Почему же? Догадываюсь, каким эпитетом Георгий Петрович наградил «прелестный голубенький флисовый пледик», — сдавленным голосом произнесла я и, не сдержавшись, расхохоталась.

Начальница пиар-отдела издательства, которое выпускает детективы Арины Виоловой (это, напомню, псевдоним, под которым выходят в свет опусы Виолы Таракановой, то есть мои), постучала кулачком по столу.

— Вот, вот, все на мой рассказ одинаково реагируют. Главный редактор глаза закатил: «Верка, ты идиотка». Я пожаловалась на отца, который меня не поблагодарил, а, наоборот, обозлился, нашему начальнику охраны, а тот заорал: «Филиппова, я б тебя за такое убил!» За какое — «такое»? За идеальный порядок на месте свинарника? Вилка, ты меня удивила. Я считала, что у нас в «Элефанте» мужики странные подобрались, а ты женщина, писатель, и туда же!

Вера опустила уголки рта и отвернулась.

— Не дуйся, — попросила я. — Лучше скажи, зачем попросила меня приехать.

У Филипповой легкий характер. Она не злопамятна и может сердиться на вас от силы две минуты. Услышав мой вопрос, Вера мигом выкинула из головы мысли о гараже и затараторила:

— Определился победитель конкурса. Им стал Иван Николаевич Зарецкий, милейший дядька. Вы легко найдете общий язык, понравитесь друг другу. Встречаетесь сегодня через два часа. Зарецкий расскажет тебе о своем заветном желании... Вилка! Почему ты молчишь?

— Извини, пока не знаю, о чем речь, — призналась я.

Вера схватила со стола лист бумаги и начала им обмахиваться.

— Я же тебе в январе всю акцию в подробностях описала!

— Прости, — смиренно произнесла я, — на дворе середина декабря, прошел почти год, девичья память госпожи Таракановой дала сбой. Сделай одолжение, введи меня еще раз в курс дела.

Филиппова стала рыться в кипах папок, заваливавших ее стол. Я молча ждала, пока она отыщет нужную.

Верочка трудится в «Элефанте» со дня основания издательства. Пришла на должность секретарши, параллельно с работой училась и поднималась вверх по карьерной лестнице. Ей никто не помогал, у нее не было влиятельных друзей, богатых родителей или чиновного мужа. Одним словом, Филиппова — реальный пример того, как при помощи трудолюбия, исполнительности и любви к своему делу можно многого в жизни добиться. Сейчас Вера входит в совет директоров «Элефанта», возглавляет отдел рекламы и пиара. Но «медные трубы» не сделали ее ни чванливой, ни заносчивой, ни хамоватой, она по-прежнему приветлива как с сотрудниками, так и с авторами. Кстати, вы замечали, что хорошие люди, как правило, выглядят намного моложе своих злых, завистливых и подлых ровесников? Филиппова кажется юной выпускницей школы, хотя, думаю, ей за тридцать. И для меня загадка, почему Верочка, весьма симпатичная внешне, со стройной фигуркой, веселая, умная, хорошо зарабатывающая, до сих пор не имеет семьи.

Однажды Люся Коткина, заведующая отделом прозы, на вечеринке, посвященной Восьмому марта,

выпив слишком много шампанского, громогласно заявила Филипповой:

— Не прикидывайся ангелом, я знаю: ты настоящая ведьма! Потому и кукуешь одна. Не будет у тебе личного счастья.

Вера решила превратить ее грубость в шутку:

— Метла бы мне не помешала, а то сегодня я простояла в пробке четыре часа. Представляешь, как круто? Народ толкается на дороге, а я лечу, оседлав помело!

Но Коткину так просто не остановишь.

— У всех колдуний глаза разные! — заорала она. — Вот и у тебя один карий, другой голубой. Тебя замуж никто никогда не возьмет!

Помнится, у меня тогда мелькнула мысль: вдруг мужчины, как и Люся, верят в глупые приметы и именно поэтому Верочка не нашла свою вторую половинку?

К слову сказать, в последнее время Людмила совершенно распоясалась. Хотя Коткина и раньше не отличалась вежливостью. Она вполне могла, столкнувшись с вами в коридоре «Элефанта», вместо «здравствуй» сказать: «Зря ты в белые брюки вырядилась — и так задница здоровенная, а сейчас вообще шире Сибири стала». С начала весны она упорно оттачивает свое «остроумие» на Филипповой, не упускает момента, чтобы побольней ущипнуть ее.

Когда Людмила Павловна стала демонстрировать открытую нелюбовь к Вере, я подумала, что Филиппову хотят уволить. Коткина, позиционирующая себя как предельно откровенного человека, всегда говорящего людям в лицо исключительно то, что она о них думает, никогда не хамит ни начальству «Элефанта», ни топовым авторам, вот такое у нее избирательное

правдолюбие. То есть я хочу сказать, что заведующая отделом прозы этакая лакмусовая бумажка, и если вы слышите от нее пакости, следует насторожиться: вероятно, вас ждут неприятности. Но Филиппова до сих пор руководит пиар-службой, и я не понимаю, почему Людмила, изменив своим правилам, ее шпыняет. Слегка напрягает меня и позиция Верочки, которая вообще-то может адекватно ответить хамке, но она лишь улыбается, делая вид, что не слышит мерзких оскорблений.

Тогда, на празднике Восьмого марта, Филиппова просто отошла в сторону. А спустя пару дней я приехала в издательство и увидела, что у Веры... оба глаза карие. Очевидно, мне не удалось скрыть удивление, потому что она сказала:

— Ну давай, спрашивай... Ты будешь сто пятьдесят пятым человеком, интересующимся цветом моих очей. Ладно, сразу объясню: я вставила линзы.

— Не стоит обращать внимание на Коткину, — забубнила я, — она полная идиотка.

Верочка похлопала длинными, по-кукольному загнутыми ресницами.

— Я давно привыкла к реакции людей на то, что глаза у меня разные. В детстве из-за этого меня часто обзывали уродкой. А в садике воспитательница постоянно орала: «Верка, хорош на меня зыркать! Из-за твоих взглядов у меня несчастья случаются!» Правда, потом я в детдом попала, и вот там никто мне слова плохого не сказал.

— Милая дама... — пробормотала я, по достоинству оценив педагогические способности воспитательницы. — Не знала, что ты росла в приюте.

— А зачем об этом на всю округу кричать? — улыбнулась Вера. — Хотя я не скрываю подробности своей

биографии. Попала в интернат в восемь лет, когда мама и папа умерли. А родственников у меня нет. Сначала нелегко было. Каждый вечер, укладываясь спать, я думала: «Почему бог такой злой? По какой причине не послал ко мне доброго ангела, который спас бы меня от приюта?» Но постепенно привыкла. А через два года решила: хватит ныть, надо работать, никто мне не поможет, единственный мой шанс пробиться — получить золотую медаль и поступить в институт. А вот как я отличного аттестата добивалась, это отдельная история.

— Но у тебя же есть отец, Георгий Петрович! И была бабушка! — с запозданием вспомнила я.

— Точно, — заулыбалась Вера, — только они мне не родные. Отец работал мастером на заводе, который над детдомом шефствовал. И как-то под Новый год Георгий Петрович по поручению месткома привез детям подарки. Ничего особенного, кулечки с конфетами. Вручил их, с ребятами у елки хоровод поводил, домой засобирался. Двинул к выходу и услышал в закутке тихий плач, заглянул туда, а там я хнычу, потому что хулиган Боря Юрков отнял у меня подарок. Интернат был хороший, нас ни воспитатели, ни учителя, ни заведующая не обижали, кормили вкусно, даже баловали, но дети попадались разные. Вот этот Борька на глазах у педагогов пай-мальчика из себя строил, а когда старшие отворачивались, маленьких бил, игрушки и вкусности у них отбирал. Ух, как Георгий Петрович тогда разозлился! Скандал устроил, потребовал наказать хулигана, на директрису наорал, педагогический состав построил, пообещал комиссию в детдом прислать, чтобы порядок навели. И уехал. А мне потом от Юркова по полной досталось. Мерзкий мальчишка поплакал в кабинете заведующей, по-

обещал более никогда никого не обижать, а сам дождался, когда Георгий Петрович уедет, подстерег меня в укромном месте и поколотил от всей души. Потом увидел, что натворил — у меня все лицо в крови было, — испугался и припугнул: «Если скажешь, что я тебя за ябедничество наказал, из окна вытолкну. Будут спрашивать, почему морда разукрашенная, — отвечай, что упала и об пол стукнулась. Не то еще хуже будет!» Я побежала в ванную умываться и в холле наткнулась на Георгия Петровича, он шапку на вешалке забыл, вернулся за ней с полдороги.

Филиппова засмеялась.

— Мало Борьке не показалось. До сих пор приятно вспоминать, как отец ему уши драл. С той поры Георгий Петрович обо мне и заботится. Хотел удочерить, но не разрешили — он же холостяк, никогда жены не было, жил с матерью, а по тогдашним законам сироту только в полную семью отдавали. Но он не сдался, уговорил заведующую, чтобы та разрешила мне субботу и воскресенье в его с Ангелиной Федоровной доме проводить. И я стала жить в ожидании вечера пятницы. Ну а когда в институт поступила и из приюта ушла, перебралась к Мишкиным навсегда. Они для меня самые родные и близкие люди, папа и бабуля. Ангелина Федоровна завещала мне свою дачу в поселке Тихий, это теперь, считай, Москва. Да ты не раз у меня там бывала, видела, как я ее перестроила.

— Благоустроенный коттедж с очень красивым интерьером, — похвалила я жилище Филипповой.

— Обожаю свой дом, — кивнула Вера. — Воздух в поселке упоительный. И хоть железная дорога неподалеку, это не мешает. А папе не особенно на природе нравится. Я ему комнату обустроила, но он предпочитает в городе задыхаться, еле-еле его в санаторий

выталкиваю... Нет, Вилка, я не переживаю по поводу своих разноцветных глаз. И не обращаю внимания на лягушек, которые выпрыгивают изо рта Коткиной. А линзы нацепила потому, что вдруг на корпоративе в голову пришла мысль: я могу менять цвет глаз под наряд. Понимаешь? Мне повезло как никому!

Тот разговор состоялся весной, а сегодня Филиппова была в своем, так сказать, естественном виде, без контактных линз.

— Нашла! — объявила она, наконец вытаскивая на свет божий пару листов. — Слушай. «В связи с положением на книжном рынке...»

— Пожалуйста, не надо зачитывать весь документ, — взмолилась я, — передай смысл своими словами.

Верочка откашлялась.

— Попробую. Ты получаешь деньги с каждой проданной книги, поэтому заинтересована в больших тиражах. Издательство тоже хочет увеличить прибыль. О'кей, наши интересы совпадают. Нам надо, чтобы имя «Арина Виолова» мелькало в прессе. В принципе, все равно, что говорят, лишь бы не молчали. Поэтому «Элефант» постоянно устраивает акции. В начале года мы запустили проект «Арина Виолова выполняет заветные желания». Условия конкурса простые: купи книгу детективщицы, найди в ней купон, напиши на нем, о чем мечтаешь, и отправь нам по почте.

— Тогда оно никогда не дойдет, — хмыкнула я.

— Можно воспользоваться Интернетом, там специально открыли сайт под это мероприятие, — продолжала Верочка. — А еще надо сфотографировать твои книги, те, что есть у читателя дома, и снимок тоже отослать. В начале ноября мы подведем итог и выберем победителя. Ты исполнишь его желание, и тогда

мы созовем журналистов, устроим торжественное закрытие акции, фуршет. Здорово?

— Угу, — пробормотала я, — прекрасная идея. Но меня смущает роль доброй волшебницы. Что прикажешь делать, если человек попросит купить ему квартиру или дорогую иномарку, надумает отправиться в кругосветное путешествие?

— Ну я же не дура, — обиделась Вера. — Алчных мы сразу отсеяли, выбрали милейшего мужчину, Ивана Николаевича Зарецкого. Я беседовала с ним по телефону не один раз и могу заверить, что это адекватный, воспитанный, не молодой, но и не старый человек, сорока девяти лет, причем весьма обеспеченный — ему ни жилья, ни денег, ни машин не надо. И вот самое главное, Вилка: он тебя обожает, хранит дома полное собрание твоих сочинений, посадил на детективы Арины Виоловой своих служащих. Зарецкий — владелец крупного коммерческого банка.

— Что же он хочет? — удивилась я.

— Повеселиться, — засмеялась Филиппова. — Иван Николаевич объяснил нам: «Скоро у меня состоится торжественное событие. Мечтаю, чтобы Арина участвовала в его подготовке, съездила со мной пару раз в агентство, помогла найти ресторан, ну и так далее. Обещаю учесть все ее пожелания. Если она решит, что для презентабельности нужен слон, его приведут. С деньгами проблем нет». Вчера банкир получил от нас сертификат, где написано: «Сценарий торжества от Арины». Прямо вижу заголовки в прессе: «Писательница подарила фанату праздник». Красиво, благородно и прекрасно сочетается с твоим имиджем.

— Он же сам оплачивает мероприятие, — напомнила я, — это не совсем подарок получается.

— Нас интересует, как отреагируют журналюги, а не правда жизни, — отмахнулась Вера. И насторожилась: — Эй, ты не хочешь помочь Зарецкому?

— Ну.. если честно, времени жаль... — протянула я. — Кстати, наконец-то я вспомнила, как ты мне прошлой зимой об этой акции рассказывала. Если не ошибаюсь, ты пообещала: «Не волнуйся, просто сходишь с фанатом пообедать». А теперь совсем иное вырисовывается.

— Нам идея с торжеством показалась замечательной, — растерялась Вера. — И что теперь делать? Сертификат выдан, отнять его — нонсенс. Но, Вилочка, если ты категорически не желаешь...

— Нет, нет, — остановила я Филиппову, — просто у меня приступ хандры. Костя вчера улетел в Америку, у него там дела, вернется через неделю или две, вот я и впала в уныние. Говори, где надо встретиться с Зарецким, с моей стороны ни малейших проблем не возникнет.

— Ты золото! — обрадовалась Вера. — Самородок чистой воды на сто карат!

— Тогда уж бриллиант, — поправила я.

— Ты наша общая радость! — продолжала Вера. — Слушай, приезжай сегодня ко мне домой в районе девяти. О'кей? Есть новая гениальная идея по твоей раскрутке.

— Спасибо за приглашение, но нет, — отказалась я, — у меня занятия по скалолазанию.

Вера понизила голос:

— Кстати, о твоём новом увлечении... Честно говоря, не нравится оно мне.

— Скалолазанием я занимаюсь с прошлой зимы, — возразила я, — и сделала большие успехи. Обычный фитнес — бассейн, йога и прочее — кажется мне не-